

Ц 28

ПЕТРАС
ЦВИРКА

Р30534

Серебряная пуля

ЛИТОВСКИЕ СКАЗКИ

ДЕТГИЗ

Петрас Цвирка

Серебряная пуля

Литовские сказки

*Перевод с литовского
И. КАПЛАНАСА*

30534

*Государственное Издательство Детской Литературы
ИБЛ РСФСР
Москва 1942 Ленинград*

Л. 28 - (литература)

Рисунки
А. ГОНЧАРОВА

Серебряная пуля

Жил-был человек по имени Джюгас. Жил он в такой стране, где не было ни бар, ни попов, ни вельмс.ж. Что ни посеет — для себя и сеет, что ни сожнет — в свои амбары свозит, что ни намолотит — в свои закрома ссыпает, а что ни смолол да испек — на свой стол и поставит. Жил Джюгас в полном довольстве, ра-

ботал с песней веселой, детей растил без думы тяжелой, ни перед кем спины не гнул, ни у кого милости не выпрашивал.

Приблудился к Джюгасу немец-проныра, пузатый задира. Видит — Джюгас целину поднимает. Ружьем посверкал, хлыстом помахал и говорит тому человеку:

— Человече, человече, я твой барин. Отдай мне твою лошадь. Не отдашь — тебя самого оседлаю и верхом на тебе поеду.

Что Джюгасу делать? Немец — пришлец, чортов гонец. Плохи с ним шутки. Отдал человек единственную лошадь, вернулся домой и жену утешает:

— Землицу лопатой вскопаем, снопы с поля сами унесем, уж как-нибудь проживем, всё не помрем с голоду.

Не успел человек и ночи одной переспать, шмыг-дрыг — и опять тут как тут немец-проныра, пузатый задира, ус колючий, с сигарой воюющей. Встретил Джюгаса, когда тот корову на луг выгонял, и говорит ему:

— Человече, человече, я твой барин. Не знаешь ты, что ли, что с этих пор только баре молоко пить станут? Отдай мне свою корову. Не отдашь — кувырком полетишь, пятками небо заденешь.

Хоть надвое тресни, приходится единственную коровенку отдавать. Вернулся Джюгас в избу и жену утешает:

— Свинку зарежем, похлебу с салом заправим, всё не помрем с голоду.

Пошел человек в хлев свинью резать, а только откуда ни возмись, встань-глянь — тут и немец. Ружьем посверкал, хлыстом помахал и говорит человеку:

— Человече, человече, я твой барин. Не знаешь, что ли, что с этих пор свинину только баре кушать станут? Отдай мне свою свинью. Не отдашь — на первом суку повешу.

Отдал Джюгас последнюю свинью. Вернулся в избу и жену утешает:

— Наловлю я рыбки, в лесу где ягодку, где грибок ухватим, всё до зимы живы останемся.

Едва лишь рассвело, ушел человек на реку, наловил рыбы полную корзину, в лес заглянул — полное лукошко ягод нарвал, по лескам еловым и березовым грибков насбирал и к вечеру домой идет, как пчела, меду полная.

Немец ехидный, чорт ненасытный, под мостом Джюгаса подстерегал, и как только приблизился Джюгас к мосту, он прыг на дорогу, человека останавливает:

— Человече, человече, я твой барин. Не знаешь, что ли, что ягоды, рыбу и грибы я один кушать стану? С этого дня, что ни вечер, тебя здесь у моста поджидать буду, чтоб приносил ты мне по полной корзине ягод, рыбы и грибов. Не принесешь — самого тебя рыбам скормлю.

Вернулся Джюгас в избу с пустыми руками, весь свой труд за день-деньской немцу отдав, и жену утешает:

— Щавелю похлебаем, птиц лесных яйца собираю, всё до нового урожая с голоду не помрем.

От зари до заката снует Джюгасова жена с детьми по кустам, спину гнет, в росе холодной ноги студит — для немца ягоды, грибы собирает.

Пришло время жатвы, собрал Джюгас с по-

ля урожай, сам на плечах своих в амбар снес и радостно жене говорит:

— С хлебом как-нибудь зиму суровую проживем, а дождавшись весны, травкой прокормимся.

А тут шмыг-дрыг — немец-проныра, пузатый задира, ус колючий, с сигарой вонючей, и говорит Джюгасу:

— Человече, человече, я твой барин. Смотри, чтобы был твой хлеб в два дня обмолочен, провеян и в мои амбары свезен! Если хоть одно зернышко утаишь, глаза тебе выцарапаю.

Плохи шутки с немцем-пришлецом, чортовым гонцом, — пришлось все зерно немцу сдавать. Осталась семья Джюгасова без молока, без мяса, без хлеба. Время озимь сеять, а не осталось ни зернышка для посева. Сидит Джюгас понуро день за днем, сидит голодный с малыши детьми — думает, ничего не придумает.

И опять, откуда ни возьмись, с шумом и треском в дверь — немец.

— Человече, человече, чего сидишь сложа руки? Я, твой барин, тебе приказываю, чтоб в три дня пашня была унавожена, вспахана, взборонена и рожью-пшеницей засеяна. Не засеешь — избу твою дымом пуцу, детей твоих и тебя сожгу и пеплом вашим землю удобрю.

Нет у Джюгаса ни коня, ни семян, сам с семьей с голоду пухнет — не знает, что и делать.

Через три дня приходит немец и спрашивает:

— Человече, человече, засеял ли свое поле?

— Погоди, воробьиным навозом пашню удобрю, кошку запрягу — вспашу, взбороню,

вшей с твоего затылка соберу — засею, — ответил Джюгас, потеряв терпение.

Рассердился немец на человека за такие его слова. Ночью, когда Джюгас со двора ушел, поджег пришлец его избушку. Вместе с домом сгорела Джюгасова жена и двое его малых детей. Вернувшись, нашел человек только дымящиеся головни.

Собрав в узелок обуглившиеся кости детей и жены, ушел Джюгас бродить по белу свету.

Шел человек днем и ночью, проголодался, измучился. Начал по карманам шарить, нет ли там хоть крошки хлеба. Нашел он только денежку серебряную. Что поделаешь — сам себя не обгложешь. Идет он дальше. По дороге забрел в темную чашу. Слышит — в той чаше что-то стучит, гремит, прямо земля дрожит. Повернул он туда, откуда стук доносился. Видит — стоит посреди чаши кузня, горн горит, и кузнец, великан с бородой до земли, молотом бьет по наковальне.

— Кузнец, что куешь? — спрашивает Джюгас.

— Птицам клювы, зверям клыки да когти, скотине рога кую, — отвечает.

— Не смог ли бы ты мне такую пулю выковать, чтоб она, как я ее брошу, про кого ни подумаю, того убивала и опять ко мне целехонькой ворочалась? Вот тебе серебро и угли для горна! — сказал Джюгас.

— Многого хочешь! — воскликнул кузнец. — А кто ты таков, откуда бредешь, кому мстить собираешься?

Рассказал Джюгас беду свою, слезами жаркими обливаясь. Послушал кузнец человека, взял у него денежку, развел горн костями

обугленными Джюгасовой жены и ребятишек и за работу взялся. Целый день, ночь целую горн не угасал, до неба искры взлетали, сутки целые молот гремел — выковал кузнец Джюгасу серебряную пулю.

Поблагодарил человек кузнеца, положил пулю за пазуху и идет дальше. Три дня шел по чаще лесной, одними ягодами питался. Подходит он к пещере. А в той пещере пальцы большие стоят, за пальцами девушка прядет. Такие узоры, такие цвета на пряже — издали глаза слепит, словно солнце светлое сияет.

— Что прядешь, девушка? — Джюгас у нее спрашивает.

— Птицам платья, паукам сетки серебряные, лугам ковры зеленые.

— Не спрядешь ли мне пряжу на плащ-невидимку? Вот тебе клубок ниток.

— Не малого ты хочешь! Кто ты таков, откуда бредешь, зачем нужно тебе невидимкой обернуться?

Рассказал человек про свои невзгоды, горькими слезами обливаясь. Выслушав Джюгаса, взяла у него девушка клубок, забегало по пальцам веретено золотое. А клубок этот с иглой Джюгасу добрая лауме¹ в карман тайком положила.

Вышла с пальцев такая ткань, что самым зорким глазом ее не видать — до того тонка, до того прозрачна, на чистый воздух весенний похожа.

Поблагодарив девушку, идет с тканью драгоценною Джюгас. Много ли, мало прошел, видит — на сукнах бархатных, на мехах до-

¹ Лауме — фея литовских сказок и легенд.

рогих сидит человек и одежонку маленькую шьет.

— Портняжка, что шьешь? — спрашивает Джюгас.

— Дятлам куртки, журавлям фраки, лисицам шубки, мотылькам сорочки.

— Не сошьешь ли мне из ткани тончайшей плащ-невидимку? Дам тебе я иглу свою.

— Чудной твой заказ! Кто ты таков, откуда бредешь, зачем меня тревожишь?

Рассказал Джюгас про горе свое, прослезился. Выслушав его, взялся портняжка плащ-невидимку шить. Кончил иглой снова, надел Джюгас тот плащ не мешкая и словно сквозь землю прошел — невидимкой стал.

Вышел Джюгас на широкую дорогу. Слышит — земля дрожит, карета катится, а в той карете немец-проныра, пузатый задира. Подбежал Джюгас в плаще своем чудесном, вытащил из-за пазухи пулю серебряную, кинул ее; из кареты, как мешок с отрубями, немец вывалился, сигара вонючая изо рта у него выпала.

— Не бывать тебе надо мной барином, вражий пришлец, чортов гонец! — промолвил Джюгас.

Воротилась к нему пуля. Взял он ее и дальше идет.

Идет по селу, видит, как другой немец человека запряг, на нем поле пашет, по спине горемычного кнутом подгоняет. Пустил Джюгас серебряную пулю — немец кувырк и ноги протянул, только он от чужого труда пользы и видел! Вытер Джюгас о росистую траву пулю воротившуюся, черной кровью прищельца залитую, положил за пазуху и дальше идет.

Прослышали немцы, что их породу изво-

дят, собрались несметным отрядом; саблями машут, на конях скачут, из ружей гром поднимают — поймают они Джюгаса. Словно туча, окружили немцы поля, леса оцепили, в реках кони их всю воду замутили. Ищут Джюгаса по кустикам, чащи обшаривают, реки обнюхивают, в небо высокое стреляют. А Джюгас стоит невидимый у главного немца за спиной и серебряную пулю запускает. Пустит — и немец валится. Воротится пуля — опять другого свалит.

Уложил он всех немцев, как снопы ржаные. В последний раз серебряную пулю пустил — воротилась она без крови черной. Обрадовался Джюгас: понял, что не осталось в стране его ни одного немца-пронеры, пузатого задиры. Вернулся он тогда домой, снова зажил, ни перед кем спины не сгибая, милости не вымаливая. Что посеет — для себя сожнет, что намотит — в свои закрома свезет, а что смелет — на свой стол несет.

Как крепостной мужик Степас барина Фрица лечил

Жил некогда помещик Фриц. Был это жадный и злой немчура, неведомо откуда приблудившийся в наши края. А в те времена имели баре полную волю над простым людом.

Ехал раз крепостной мужик Степас в город клячу свою продавать. Откуда ни возьмись,

Фриц на дороге. Тросточкой подпирается, рыжий ус покручивает и у мужика спрашивает:

— А куда ты эту крысу гонишь?

— На базар, барин.

— Зачем тебе на базар таскаться? На тебе алтын, вот и весь базар.

Что мужичку делать? Приходится задаром коня отдавать. Только откажи Фрицу, а он насильно заберет да еще тростью отдубасит. И говорит Степас барину:

— Ваша барская воля. Только не позволишь ли ты мне у крысы хвост отрезать?

Позволил Фриц у коня хвост отрезать.

Вернулся Степас домой унылый, крепким жгутом конский хвост скрутил, за стропила заткнул.

Через короткий срок заставил голод мужика последнюю корову в город погнать. Ведет он ее кружными тропами, чтобы барину на глаза не попадаться. И снова как из-под земли вырос Фриц и навстречу ему идет:

— Куда ты кошку эту волочишь?

— На базар, барин.

— Чего тебе там мешкать, купцов дохлятиной смешить, продай лучше мне. Вот тебе копеечка.

Кинул барин копеечку, а за нее только шепотку соли дают. Что станешь делать — живым в землю не ляжешь! Скрепя сердце пришлось Степасу последнюю скотинку отдавать. Только попросил он у барина, чтоб позволил хоть хвост у коровы отрезать. Барин позволил.

Пришел мужик домой, хвост коровий высушил, за стропила заткнул.

Зимой нужда мужика вконец одолела. Пошел Степас в лес, нарубил березовых дров,

вместо лошади сам в сани запрягся, в город везет продавать. А тут опять, как назло, шмыг из кустов ему навстречу Фриц. Идет с ружьем за плечами, собак охотничьих свистом зовет и Степаса спрашивает:

— Ты куда же, человече, солому эту тащишь?

— В город.

— И охота тебе зря по городу таскаться? Вези ко мне в имение, будет у меня чем хлев покрыть. Вот тебе денежка — табачку себе купишь.

Степас зубами скрипит, злость свою сдерживает, а приходится ему все же дрова Фрицу отдать.

Много ли, мало ли времени прошло, разнеслась весть по всей округе, что барин Фриц тяжело занемог. Лечили его самые первые лекаря, да никто помочь не мог: чахнет толстый барин — и всё тут.

Услышал про это Степас, приделся получше, бороду себе седую приклеил, очки синие нацепил и приходит к немцу в хоромы. Говорит слугам, что он-де лекарь заезжий, самим кайзером Вилюзом¹ посланный. Пропустили его сейчас же к барину. Осмотрел он Фрица, живот ему потискал, за язык потаскал и велел баню пожарче натопить и больного туда снести. Как сделали всё по его приказу, лекарь сам больного раздел, положил на полку, вытащил из лекарской шкатулки длинную и твердую штуку, сунул больному под нос.

— Знаешь ли, что это за штука? — спрашивает.

¹ Кайзер Вильгельм.

— Да это лошадиный хвост.

— А помнишь ли крысу с конским хвостом? — опять лекарь спрашивает.

— Всего я на своем веку навидался, в Караялчюсе слона видел, но такого чуда не помню.

— Так сейчас вспомнишь! — закричал лекарь, сорвал с себя бороду, очки скинул, сбросил свою лекарскую одежду и так стал барину Фрицу спину отделывать, что немец, узнав мужика, завопил не своим голосом:

— Я, я¹, помню эту лошадь... Только отпусти меня живым!

А мужик еще хорошенько барина похлестал, еле живого отпустил, приговаривая:

— Знай теперь, барин, что не водятся крысы с хвостами конскими и негоже коней по крысьим ценам скупать.

После такой бани расхворался Фриц пуще прежнего, глаза навывкат, бока избитые растирает. Не подпускает к себе лекарей, которые с лица на Степаса похожи.

Прошло немного дней. Вымазал Степас лицо и руки смолой, в нос кольцо медное продел, надел самую диковинную одежду и идет в хоромы барские. Пришел, на ночлег попросился, будто ни о чем и не знает. Только как стали его слуги расспрашивать, сказался он негритянским лекарем, а едет, мол, из шведской земли, где королеву от тяжелой болезни вылечил.

Услышал об этом Фриц, велит немедля к себе негритянского лекаря привести. Осмотрел больного чернокожий, велел всем родным подальше выйти и взялся за лечение. Вытащил

¹ Да, да.

из-под полы длинную тонкую штуку, ткнул Фрицу в нос и спрашивает:

— Знаешь ли, что это за штука?

— Это не плетка ли? — Фриц отвечает, а сам мелкой дрожью дрожит.

— А не видывал ли ты кошку с коровьим хвостом?

— Помню, видел я в Берлине обезьяну, что на гармошке играла, но кошки такой не припомню.

— Так сейчас припомнишь! — закричал лекарь, опрокинул Фрица и стал его так по бокам коровьим хвостом сушеным хлестать, что по всему дому звон пошел.

— Ах, ох, помню, Степас!.. — жалобно взвыл немец, узнав мужика.

Власть попотчевав больного хвостом коровьим, Степас ему такой совет подает:

— В другой раз, барин, знай, что не водятся кошки с хвостами коровьими и негоже коров по кошачьей цене скупать.

С тех пор строго-настрого запретил барин Фриц лекарей на порог пускать, хотя бы они от самого бога пришли. Стал барин колдовством и заговорами лечиться.

Услышал об этом Степас, нарядился цыганкой, серьги в уши продел, голову пестрой косынкой повязал и приходит в барские хоромы. Рассказала там цыганка, что-де из дальних стран идет и чары всякие знает. Языком своим бойким так Фрицову родню оплела, что приставили ее больного барина лечить.

Посмотрела она больному на ладони, в глаза заглянула, рукой колдовские знаки делает и говорит: *надо-де больного в лес везти, там ему голым раздеться и комарам дать кровь*

порченую выпить, тогда болезнь как рукой снимет.

— Ну вот, — отозвался обрадованный Фриц, — говорил я вам, что у меня кровь испортилась, а вы меня всё снаружи лечили.

Сvezли Фрица в лес, велела цыганка его с ней с глазу на глаз оставить. Раздела Фрица, на пенек посадила, велела комаров дожидаться, сама на минутку отлучилась, но скоро опять приходит, березовую ветку крепкую в руках несет. Ткнула веткой немца в нос цыганка и спрашивает:

— Знаешь ли, что это за штука?

— Да это березовая ветка.

— А помнишь ли, как один барин вместо соломы березовыми ветками хлев покрывал?

— Что-то не помню, — отвечает упрямый немец, а у самого уже голос дрожит.

— Так сейчас вспомнишь! — закричала цыганка и, долго не мешкая, столько немцу березовой каши отвалила, что по лесу гул пошел.

— Ох, ох, Степас, смилуйся! — взмолился немец, узнав мужика в цыганском наряде. — Помню дрова эти, только пожалей меня!

— Уж в другой раз знать будешь, что никто хлева дровами не кроет и негоже дрова по цене соломенной скупать, — сказал мужик и ушел, а барин лежит и только ногами дрыгает.

С месяц не мог немец ни встать, ни сесть, так у него бока были исхлестаны. Как только немного сил набрался, во-свояси убрался, в ту сторону, откуда к нам прежде прибудился.

Как осел допоухий судьей стал

Услышал осел, что есть страна такая, Неметчиной называется, где сам правитель скот охраняет, не на ослах и конях, а на людях верхом разъезжает. Узнал допоухий, что сладкое там житье четверолапым, — в Неметчину собрался.

Встречает осел коня. Конь и спрашивает:
— Осел братец, куда бредешь?

Рассказал осел все, что знал про страну необычайную. Пришлось это коню по душе.

Бредут они вдвоем. Встречают на дороге козу. Спрашивает сивобородая:

— Соседи, куда путь держите?

Рассказали оба; куда идут. Пришлись козе по душе их рассказы, захотелось куцей на белый свет посмотреть, в чужих краях счастья попытать. Просит и ее с собой взять.

Идут они дальше втроем. По дороге собаку встречают.

— Братцы четверолапые, куда так спешите, что всю пыль с дороги столбом подняли? Не от волков ли спасаетесь? — шавка их спрашивает.

Рассказали братцы, куда бредут. Дошли их речи до сердца собачьего. Попросилась и она ~~ж~~ ~~в~~ ~~л~~ ~~и~~ ~~к~~ ~~о~~ ~~м~~ ~~п~~ ~~а~~ ~~н~~ ~~и~~ ~~ю~~ в компанию.

Вчетвером дальше путь держат. Из канавы прыг на дорогу кот полосатый.

— Осел премудрый, куда такую стаю ведешь? Уж не свадьбу ли сыграть собрался?

Долго не мешкая, объяснил осел, куда бредут, что про страну необычайную проведали. Не отстают и кот-охотник. Впятером идут.

Откуда ни возьмись, муха летит. Села ослу на ухо и тонким голоском его спрашивает:

— Скажите вы мне, не в гости ли бредете, или, может, мед из ульев добывать торопитесь? Позвольте и мне в капельке сладкой хоть хоботок помочить.

Рассказали скоты, что не мед ищут, а в такую страну бредут, где сам правитель о всяком скоте заботу чувствует. Попросилась и тонкокрылая, чтоб ее с собой взяли.

Много дней они шли, пылью-грязью покры-

лись, измучились... Дошли путники до края желанного. Стали на перекрестке и друг дружке крепкое слово дали: ровно через год на этом самом месте — живыми ли, мертвыми — всем им собраться.

Осел по одной дороге свернул, конь по другой, коза по третьей, собака с котом в избу ближнюю забежали, а муха, запах супа почуяв, к немцу одному на обеденный стол присела.

Прошел год. Первой на условное место собака прибрела, да такая тощая, с одного боку драная, с другого бритая. Так она переменялась, что когда кот вслед за ней приплелся, еле признал. А третьим, едва ноги волоча, хвостом обрезанным покручивая, конь притащился. Четвертой — коза, но уж и на козу мало похожа — безрогая, безбородая. Муха такая обсосанная прилетела, что одно только звание мушиное осталось. Последним осел пожаловал. Только лопухому, видно, сладко жилось — такой жирный отъелся, такие бока нагулял.

Первым конь речь держит:

— Не нашел я легкой жизни. За весь год только то и видел что все не евши ходил. В стране этой одни подделки фальшивые. Сена дадут — а то не сено, а мох болотный. Овсу только разок подсыпали, да и тот из дерева молотый. Подковали меня подковами не железными, а тряпичными. Неделя пройдет — хвост подстригают, укорачивают, пока до самого корня не обрезали.

— Мало ты перевидал, мало намучился! — кот отзывается. — Сотнями я кладовые облазил, сотни лавок мясных прошел и такие дива видал, что вам и не поверить. Колбаса у них — одна хитрость: накачают воздуху в кишку пу-

стюю, перцу, луку для запаха пустят, вот тебе и колбаска. Ветчина на взгляд как ветчина, а надкусишь — пень моченый, только так обтесан да подкрашен, что его и не отличишь. А сала я и в глаза не видал, только в газетах про сало читал. Отощал не евши и в Бремене-городе мышей ловить принялся. А мыши там все переписаны, пересчитаны, в казну засчитаны. Одну хоть поймай, съешь, облупи — сидеть тебе год в тюрьме на цепи.

А коза жалобно вздыхает:

— И моя доля не легче вашей. Куда ни пойду, куда ни забреду, все меня доят и доят. На шею мне бумажку подвесили, что, мол, каждый день, жива пока, давай им по три раза теплого молока. Неделю каждую шерсть с меня стригли, бороду наголо подстригли. Рога мне срезали, сорвали да еще в лицо наплевали. И травки свежей ни разу не пощипала, лужайки зеленой не видывала — везде солдаты шагают, последнюю травку-былинку топчут, земля стоном стонет.

Собака, с одного бока драная, с другого бритая, скулит-жалуется.

— В болото бы этой стране провалиться! Еле я от них живьем ушла. Сто хозяев сменяла, а никто мне и кости погрызть не кинул. Все кости на муку мелют, той мукой ворон кормят, тех ворон немцы едят, тех немцев под пули шлют, в землю зарывают, а в земле их черви поедают. Ухватила я разок сухую корочку, да хлеб у них из опилок выпечен, ни ма-сло, ни салом, а крапивным варевом мазан. Проглотила я кусочек — стал он поперек горла и посейчас стоит. В Каралячюсе-городе забрали меня за то, что без паспорта бегаю, налога

за морду, за зубы не плачу, не в ту сторону хвост верчу. Штраф наложили, пригнали в дом один и давай меня брить, потом кожу сдирать.

Муха еле слышным голоском пищит:

— В своем краю бывало залетишь к кому-нибудь в миску — тебя с полной ложкой похлебки выплеснут, ты досыта наешься, еще по-друг и соседок накормишь. А тут упала я только к немцу одному важному в молоко — он меня пальцами цап, да как стал обсасывать, облизывать. Где я ни бывала, к кому в миску ни попадала, везде ухватят, сосут, — так обсосали, что еле душа в теле держится. Прилетела я к вам, братцы, с пустым животом.

А осел гордо говорит:

— Не могу я на страну эту жаловаться. Нашли немецкие доктора, что крови я чистой, чистой породы, записали в Тильже-городе в почетные жители, бумагу с портретом моим выдали, судьей городским назначили. Ничего не скажешь — работы немного, только приходится копытом людей лягать, зубы им ломать.

Конь, собака, кот и коза с мухой распрощались с гордым ослом, Тильже-города судьей, и давай бежать подальше от земли немецкой — только пыль столбом по дороге стоит.

О еже и его молодой жене

Жил в старые времена один метельщик. Ходил он в лес метлы вязать. Вяжет, вяжет он однажды, а тут, откуда ни возьмись, еж. Пыхтит, трется вокруг его ног. Так еж к метельщику привязался — деваться некуда. Сядет метельщик полдничать, а еж вокруг ног: то крошку хлебную упавшую подхватит, то каплю молока пролитую с рукавицы слижет. По-

нравился метельщику колючий зверюшка, сунул он его вечером в карман и домой принес.

Утром встают они оба с женой и глазам своим не верят: сколько ни было с вечера посуды грязной, вся начисто помыта, по местам расставлена, горшки до блеска начищены, пол подметен да еще песочком посыпан, вода, дрова в избу принесены, печь затоплена. А еж так и пыхтит, иглами своими какую-то одежду вертит — это он хозяйские штаны чинил.

Метельщик с женой бездетные были. Пришлось им по душе усердие ежика. Взяли его в приемыши вместо сына родного, даже имя дали: Пушкорюк, Пушкорелис, Пыхтелка.

Вырос Пушкорюк, жениться собирается, да не на простой девушке, а на царской дочери. Просит метельщика к царю сходить, дочь его сватать. Сильно любил метельщик своего сынка-невеличку, и хоть боязно, а пошел к царю и говорит:

— Пресветлый наш владыка, не изволишь ли твою сладость за мою колючку выдать?

Догадался царь, о чем его просят, говорит с усмешкой:

— Уж привел бы ты хоть напоказ жениха.

Вернулся метельщик домой, все Пушкорюку рассказал. Подумал еж и отвечает:

— Правильно царь требует, поедем к нему!

Повязал метельщик ежика шелковой тесемкой, голову ему белым клевером украсил, сунул в шапку и к царю понес. Посмотрел царь на жениха, да как захохочет — даже борода его седая затряслась.

— Ну и женишка ты мне привел! Если весь свет обойти, так и го вряд ли где найти, чтобы такой к царской дочери сватался.

Тут метельщик так стал ежово уменье да усердие расхваливать, такие чудеса про него рассказал, что царь и говорит:

— Ладно, изволь. Отдам за него свою дочь, если жених твой за одну ночь такие дела исполнит: из хлевов моих весь навоз вывезет, за пять лет ни разу не сгребанный, им триста десятин унавозит да те триста вспашет, взборонит да засеет, да хлеб уродит, да сожнет, да умолотит, да смелет в муку белую, да мне пряники рассыпчатые из той всей муки привезет.

Услышав такие слова, повесил голову метельщик, а еж его подбадривает:

— Не тужи, батюшка, я уж как-нибудь с той работой управлюсь. Неси ты меня в хлева царские.

Выпустил его метельщик у царских хлевов, засуетился еж, бежит вперевалку вдоль по стенкам, у каждой дверки на минуту встанет и приказ отдает:

— Гребись, навоз, катись на возу в поле!

Навоз клубьями катится, на возы подъехавшие сыплется, в поле едет, по полю слоем стелется. А ежик по полям бежит да покрикивает:

— Вспашишь, поле! — Все поля и вспахались.

— Взборонись, поле! — Поля так взборонились, что пыль столбом в небеса пошла.

— Засейся, пшеница! — Она и засеялась.

— Наливайтесь, золотые колосья! — Выросли, налились нивы желтые.

— Сожнись, пшеничка, в скирды становись! — Так и стало.

— Суши, солнце, скирды! — Высушило.

— Собирайтесь в закут, снопы! — Собрались.

— Умолотись, пшеница! — Умолотилась.

— Смелись, пшеница, мукою белой, спеки-тесь пряники сладкие, на возах к царю поезжайте!

Как еж приказал, так по его велению и стало: пшеница сама умолотилась, сама смололась, спеклись пряники белые и к царю поехали. Едет несчетное множество возов, а еж — впереди вперевалку: дорогу показывает.

Увидел царь — еж слово держит. Теперь уж ему никак от слова своего не отделаться. Зовет царь к себе дочь, жениха сй колючего показывает, велит к свадьбе готовиться. Что царевне делать, когда грозный батюшка приказывает! Ни мольбами, ни слезами не поможешь — знает она крутой нрав отцовский.

Повенчали ежа с царевной. Ночью после пира свадебного, когда молодые почивать легли, сбросил еж свою шкуру колючую, обернулся статным молодцем такой красоты, что палаты царские от одного взора его посветлели.

Просыпается молодая от дремы, сердечко у ней тук-тук. Как увидела перед собой вместо ежа колючего пригожего молодца, вся слезами радостными облилась.

А на заре еж опять шкуру колючую на себя напяливает, пыхтит, вдоль стен снует, ни расцеловаться с ним, ни словом человеческим перемолвиться.

Но только ночь стемнеет, опять скинет еж одежонку колючую, обернется статным молодцем.

Было так три ночи подряд. На третье утро подучила царевна слугу своего шкурку ежову из запечья вытащить, с сором разным в печи спалить.

Встает Пушкорелис, одсжонку свою дневную ищет — нигде ее не найти.

Разгневался он и говорит жене молодой:

— Бес рогатый, немчура ненасытный околдовал меня — превратил в сжа колючего. Любовью, верностью, великим терпением спасти меня можно было, человеческий образ вернуть. Не стерпела ты, шкурку сожгла, бесу немецкому помогла. Жить мне теперь в море глубоком, семь лет с тобой не видаться. За вину твою такое лежит на тебе заклятие: к чему ни притронешься, все железом станет.

Ушел молодой к берегу морскому. Осталась жена одинокая. Болит у нее сердце по Пушкорюку. А тут еще горе такое — что ни возьмет, все железом становится. К телу своему прикоснется — место это железной чешуей покрывается. К ногам притронулась — они железом покрылись. Забылась, ко лбу прикоснулась — лоб железный стал.

Так царица измучилась от железного заклятия, еле ноги волочит. Пришла в избушку к метельщику. Просит: пойдя, мол, сына найди, спроси у него совета, как быть, несчастной, живо ли в чешуе железной погибать?

Пожалел метельщик невестушку, пошел к синему морю. А бес немецкий вокруг него вертится, с дороги сбивает. Много лет Пушкорелисов отец блуждал, стоптал сто пар лаптей, поседел, мхом порос, пока до берега морского добрал. Стал на берегу и зовет:

— Пушкорелис, выплыви!

Выплыл Пушкорелис на волне высокой, белой пеной обернувшись, и спрашивает:

— Зачем, отец, сюда прибрел, зачем меня тревожишь?

Рассказал ему отец, как невестушка мучается. Выслушал его Пушкорелис и говорит:

— Пусть сама приходит.

Возвратился отец домой, принес невестке приказ самой в дорогу собираться.

В путях железных трудно царевне и ногой шевельнуть. Что ж делать! Пошла она в путь, а бес немецкий ее все с дороги сбивает. Пока дошла, мхом покрылась.

Выплыл к ней муж, белой пеной обернувшись, поздоровался и говорит:

— Как наступит вечер, увидишь у берега в одном месте белую пену, в другом — пену алую. Зачерпни ту пену белую пригоршнями и жди, пока месяц взойдет.

Сказал Пушкорелис и в глуби морской исчез. Жена его дождалась вечернего часа, все по его велению исполнила. Как только месяц взошел, из пены белой, что у ней в пригоршне, явился молодец пригожий, муж ее любимый.

— Должны мы с тобой через море-океан переплыть. Поплывешь ли? — спрашивает.

— Поплыву, — жена ему в ответ.

— Так обними меня за шею.

Обняла его, они море и переплыли.

— Теперь нам надо через костры огненные пройти, что бес немецкий развед. Пойдешь ли?

— Пойду.

— Так ухвати меня за пояс.

Ухватила она его за пояс, они и через костры огненные перешли.

— Видишь тот дуб старый? Как добредем до него, нас бес немецкий в жаб заколдует. Согласна ли ты жабьей женой быть и два года в темном подполье томиться?

— Согласно я, — твердо ответила.

Превратил их бес немецкий в жаб, протомились они два года в темном подполье, пока опять облик человеческий не приобрели.

Тогда говорит жене своей Пушкорелис:

— Кончились твои испытания. Любовью и верностью вернула ты мне навеки вид человеческий.

Вернулись они домой веселые и счастливые да такой пир на весь мир устроили, что на запах вкусный со всего царства собаки с кошками сбежались.

А я на том пиру у Пушкорелиса мед-вино разливал. Похаживал в шапке масляной, в кафтане бумажном, в сапогах стеклянных. Чарки обносил, на ноги обронил, сапоги разбил. Шапка упала, ее собака сжевала.

Побежал я от стыда в сарай прятаться. Прямо в паклю лег. Прибежали слуги, паклю в охапку и меня заодно. Забили пушку, выстрелили. Я — раз, и прямо в небо! Лечу, за тучи хватаюсь. Вниз упал, к пемцу главному в постель угодил.

А он с перепугу — под кровать.

— Вер ист дас? — кричит.

А я ему:

— Вся езда, — отвечаю.

Так мы и выпались: я на кровати, а он под кроватью.

Жемайтис и немец

Приблудился раз в жемайтийскую землю один пемчура. Наслышался он, что люди там темные, легко их обмануть, легко их добром поживиться. Идет немец по тому краю, приглушивается, приглядывается. Встречает по дороге жемайтиса, который живую лису на базар везет.

— Человече, что ты там везешь? — спрашивает немец.

— Сам видишь — длиннохвостку, быстроножку, лакомку хитрую, — отвечает жемайтис.

— Сколько на свете живу, такого зверя не видывал! — вскричал удивленный немец. — А что с ним можно делать?

Увидев, что немчура такой простофиля, жемайтис и говорит:

— Как что можно делать? Кур разводить. Пустишь такую зверюшку в курятник — за одну ночь столько кур разведет, что их и не перечесть.

— Продай, человек, мне эту куроводку! — просит немец.

— Купи!

Немец, заплатив жемайтису хорошую цену, приносит лису домой. Едва лишь свечерело, запер зверюшку в курятник. Тут поднялся в курятнике такой гам, такое кудахтанье, крыльями хлопанье, что немчура руки от радости потирает и говорит своей жене:

— Бригитта, послушай только: столько она кур развела — в курятнике вместиться не могут!

Наутро открывает немец дверь в курятник, лиса как шмыгнет у него под ногами — ищи ветра в поле! А куры все переломлены, перекусаны, ошипаны валяются.

Разозлился немец и идет искать жемайтиса, чтоб с ним за обман рассчитаться. Встречает он его, а тот кабана на базар везет. Полный любопытства, сдержав свой гнев, немчура и спрашивает:

— Эй, человек, что ты там везешь?

— Сам видишь — желудеда, землеройку, — отвечает жемайтис.

— Сколько на свете живу, такого зверя не видывал! — сознался немец. — А что с ним делать: в телегу его запрягать или в сани?

Увидев, что немчура такой простофиля — даже кабана не видывал, жемайтис и говорит:

— Ни в телегу, ни в сани он в упряжь не годится. Это картошки и свеклы окопатель, огородный пропольщик. Пусти его только на одну ночь в огород — за десятерых сработает.

Понравился немцу товар и просит он у жемайтиса:

— А не продашь ли ты мне этого пропольщика? Я тебе чистым золотом уплачу.

Будто нехотя, будто с сожалением, продал жемайтис кабана. Немец зверя домой пригнал, на дворе его к дереву привязал, в дом вбежал, свою жену зовет:

— Бригитта, погляди, какого я окопателя и пропольщика купил! Теперь не надо будет столько работников нанимать, один этот четвероногий нам за ночь все работы сработает.

Пустил немчура на ночь кабана в огород и ждет, чтоб поскорее утро настало, — посмотреть бы ему, как прокопано, прополото. Едва лишь рассвело, бежит толстопузый со своей женой в огород, а там все так пораскопано, поразрыто, словно сто бесов на огороде свадьбу справляли.

Разозлился немец на жемайтиса, хочет итти его искать, шкуру с него спустить. Только ступил на большак, видит — жемайтис сам идет, а за ним на веревке обезьяна приплясывает.

— Человече, я в суд на тебя подам, в темную посажу. Твой окопатель мне все гряды поразрыл, — говорит немец.

— Поразрыл? Видно, сам ты и виноват.

Сказал ты ему, какую глубину копать, какие травы сорные полоть?

— Этого не сказал.

— Вот видишь: от скотины человеческого разумения требуешь. Надо было поговорить, показать ему, что он делать должен.

Немчура, словно муху проглотив, приумолк и, в душе свою вину признав, спрашивает у жемайтиса:

— А что ты за живность на веревке тащишь? Такой штуки я еще не видывал.

— Вот так так! Да ведь это знаменитый брадобрей. Так бороды бреет — одно загля-
денье! За полдня он с тысячу бород обреет.

Немец, наперед радуясь будущему барышу, просит:

— Продай мне твоего брадобрея. Я дворянского рода и давно уже думал у себя собственного цырюльника завести.

Притворился жемайтис, что продавать ему неохота, но немец так ему просьбами надоел, что согласился он за хорошую цену обезьяну продать.

Купив цырюльника, отправился немец в город Исруте¹ и объявил, что-де в такой-то день еще невиданный, неслыханный хвостатый брадобрей совсем по дешевке обреет половину городских бородачей. На базарной площади собралось видимо-невидимо пузатых, поджарых, бородатых, усатых немцев. Каждому охота поглазеть на невиданного брадобрея, каждый норовит по дешевой цене побриться.

Первым к цырюльнику на кресло уселся бурмистр того города. Как только хвостатый брадобрей получил в свои руки бритву, он од-

¹ Инстербург.

ним взмахом так полоснул ею по жирному бурмистрову горлу, что тот,дохнуть не успев, богу душу отдал.

Забрала, заковала в железа городская стража вместе и немца и его цырюльщика и посадила их в темную. Провалившись год на гнилой соломе, собрался немец раньше всего жемайтису отомстить. Встречает он жемайтиса и говорит ему:

— Хватит тебе меня за нос водить! Теперь уж ты из моих рук не уйдешь. Идем к судье, пусть присудит тебя повесить.

— Ладно, — говорит жемайтис. — Если суждено мне в петле болтаться, то перед этим хоть погуляю, покучу. Позволь мне только денег накопать, и тогда в дорогу соберемся.

А перед этим, увидев немца издали, закопал жемайтис в одном-другом месте золотые монетки и запомнил, где закопано. Взяв железную палку, идет с немцем по лугу, высмотрит место — стук по земле.

— Есть! — кричит и камешком то место отмечает.

Прошел с версту, опять — стук по земле.

— Есть! — и место камешком отметил.

Придя домой и разыскав заступ, пустился жемайтис деньги копать и, на удивление немцу, в нескольких местах золотые выкопал.

— Не продашь ли ты мне, человек, эту палку свою? — немец жадный спрашивает.

А жемайтис как будто и говорить не хочет. Только когда обещался немец ему половину своего имения отдать, согласился хозяин чудесной палочки на продажу.

Созвал немец всю свою семью, каждому дал в руки по заступу да по мешку — золото

собирать, и идет с ними. Вспомнил немец, что жемайтис на лугу своей палкой постукивал. Пошел и он на деревенские луга. Стукнул в одном месте — железо как в тесте увязло, никакого звука не слышать. Стукнул в другом — палка о камень ударилась. Не сдерживая радости, немец кричит:

— Есть!

Пробежав дальше, стукнул немец в третьем месте — опять в камень угодил, так и зазвенело, словно и вправду клад отыскался.

— Есть! — закричал немец во все горло и заторопил своих домашних яму копать, золото из земли доставать.

Бегаёт немец по лугу, словно его овод в хвост укусил, а его родня, потом обливаясь, ямы так и роет, землю вскапывает, и хоть бы грош заржавленный нашли — все камни да камни, а то и кости собачьи.

Заприметили крестьяне, что незваные, непрошеные пришлецы их пастбища портят, и кто кол из изгороди выдернул, кто дубину ухватил, прибежали на луг и так принялись немца и родню его отделявать, что те еле живые сбежали.

Избитый, осмеянный, от ярости сам не свой, идет немец жемайтиса искать, чтоб с ним раз навсегда рассчитаться. А жемайтис того только и ждет и новую шутку с ненасытным сыграть приготовился.

— Теперь, человек, уж живым от меня не уйдешь! Идем на реку: тот камень, что я вместо золота твоего обещанного выкопал, нацеплю тебе на шею и тебя под воду спущу, — говорит немец.

— Вижу, что не уйти мне от тебя. Позволь ты мне только хоть к исповеди сходить, отпущение грехов получить.

Позволил немец жемайтису пойти исповедаться.

Идут они по городу в костел, а жемайтис и говорит:

— Пока ты меня еще не угопил, пойдем-ка мы с тобой добрым вином угостимся, хоть перед смертью моей помиримся.

Зашли немец с жемайтисом в корчму. Сели они за стол, и заказывает жемайтис, чтобы ему самые дорогие вина и яства подали. Щедро угощает жемайтис немца, от угощения прямо стол ломится. Наугощались, напились, а жемайтис и не думает деньги платить: вытащил из кармана свисток, только засвистит — поклонились ему низко все слуги, даже сам хозяин подскочил и вежливо дверь распахнул.

Немец от любопытства стерпеть не может, уж очень хочется ему у жемайтиса спросить, откуда он такой свисток раздобыл. Но не раз проученный, сдерживает себя.

Прошли они несколько шагов, приглашает жемайтис немца в другую корчму зайти.

Зашли туда, опять вино дорогое потягивают, гусем заедают, а как надо расплачиваться, жемайтис только засвистит в свой свисток — сразу ему и слуги кланяются и сам хозяин к дверям провожает, ни копейки не спрашивает.

Не разгадал немец хитрости, не знал, что жемайтис перед тем с корчмариями уговорился, за еду-питье уплатил, и говорит:

— Отдай мне этот свисток — прошу тебе тогда все твои пакости да и денег доплачу.

Отдал жемайтис свисток и еще предупреждает:

— Как засвистишь, не запинаясь. Начнешь запинаясь — вся сила пропадет.

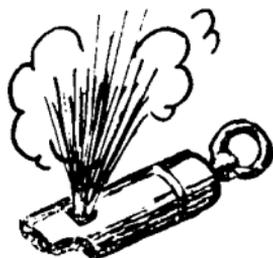
— Гут, гут, — говорит немец, — уж я не запнусь, ты не беспокойся.

Пришел немец домой, никому ни полслова, только сил нет сдержаться — не терпится ему свисток испытать. Дождался воскресного дня, посадил всю семью свою в карету, в город едет. Приехали, собрал еще немало пруссаков жирных, толстопузых, всех в корчму приглашает. Когда сели все за стол, приказал немец самые лучшие вина и кушанья подавать. Знали пруссаки про жадность и скупость своего соседа, дивятся, отчего такая в нем перемена. А немец так и потчует:

— Вы, гости дорогие, кушайте, пейте побольше.

Гости так наелись, вин дорогих напились, что из-за стола еле встали. Вытащил немец свисток и засвистел. Хотел он потом вместе с гостями своими спокойно в двери выкатиться, но корчмарь ему дорогу загородил, говорит:

— Взбесился ты или от пьянства мозги у тебе помутились? Плати деньги, да поживей!

Немцы в аду

В старые времена шел из Караляучюса один жемайтис. Устал в дороге, пить-есть досмерти охота. А у большака как нарочно корчма попалась — ее старый немец держал. Не было у жемайтиса в кармане ни пфеннига, а все ж забрел он в корчму погреться, на худой конец хоть понюхать, как мясо жареное пахнет. Зашел, за столом уселся и горько, жалобно взды-

хает. Старый немец-корчмарь и спрашивает его:

— Человеке, откуда путь держишь, чего так приуныл?

— Из ада иду.

Немец жену свою в бок толкает:

— Грета, неси человеку этому кувшин бира, колбаски и хлеба. Слышишь, какой гость у нас редкий — из ада забрел.

Разбирает немца любопытство, он и спрашивает:

— Что ж ты там хорошего видел? Может, со знакомыми повстречался?

— Много там знакомых встречал, да пока все порасскажешь — бочку пива выпьешь, пуд колбасы сжуешь, ящик сигар выкуришь.

А немца еще пуще разобрало, он жене своей кричит:

— Грета, тащи колбасы и сигар, сколько подымешь! Вели слугам свежую бочку с пивом выкатить!

Как притащила корчмарка закуску и питье, как стал жемайтис, ремень отпустив, подкрепляться, уселась вокруг него вся семья корчмарская, спрашивает:

— А немцев в аду видал?

— Нет, — говорит, — не довелось там видеть вашей породы людей. Только кайзер ваш какой-то там три года смолу кипящую хлебал, да недавно повышение получил.

— Что ж это за повышение?

— А он самого Люцифера надул и на престоле его уселся.

— Грета, Грета, слышишь? Наш кайзер после смерти своей чертей в аду надувает. Неси гостю еще колбасы и хлеба белого.

Наслся, напился всласть жемайтис, сигар немецких накурился, опять в дорогу собирает-ся. А корчмарь его все спрашивает:

— Может, еще чего занятного ты в аду на-видался?

— Чего ж я там еще видел? — путник ото-звался. — Вдруг как задрожит, загремит земля над адом, только урр-ур-ру! — и провалились все немцы пузатые, колбасники усатые, пасто-ры, купцы вороватые, все бароны ваши, кото-рые из наших бедных людей кровь сосут.

— Куда провалились? — немец испуганный спрашивает.

— Как куда? Оглох ты, что ли? В ад, а то куда же.

Рассвирепел корчмарь, как закричит:

— Грета, Грета, хватай метлу, гони вон ли-товца этого проклятого! Был не пивши, не ев-ши — говорил, что в аду немцев и в помине нет, а как натрескался — пол Германии в ад загнал.

А жемайтис того и ждал: сытый и доволь-ный — за дверь да в дорогу.

Чудесный источник

Жил некогда богатый немецкий барон. За злые дела прозвали его в народе чортом. Слуги у барона никак больше месяца не уживались: работай на него, как вол, а кормит, как пса — одними помоями да мясом протухшим. Наконец осталось у барона всего только пята-

ро работников — самые что ни на есть терпеливые и покорные.

Пришел один работник к нему зажитое жалование за год получать и говорит:

— Слышал я, барин, что в других поместьях батраки побольше нашего получают.

— Ага, уж ты, видно, слишком хорошо слышишь! — закричал барон и проткнул ему уши.

В другой раз приходит к барону второй работник и говорит, слезами обливаясь:

— Пожалей, барин, моих деток: нет у меня для них ни крошки хлеба. Видел я — твои закрома от зерна ломятся.

— Ага, уж ты слишком хорошо видишь! — Как подскочит к батраку, глаза ему ногтями выцарапал.

Раз идет барон по полю и слышит — один работник с другим через речку переговаривается.

— Чего кричишь, почему не работаешь, лентяй несчастный? — грозным голосом у батрака спрашивает.

— На что ж человеку язык дан, если словом нельзя перемолвиться?

— Видно, в работе тебе язык мешает! — закричал злой немчура. Подбежал, язык работнику вырезал.

Гуляет однажды барон по саду своему богатому и видит — один слуга его с земли яблоко-паданец поднял и в карман положил. Окликнул барон слугу и говорит:

— Кто тебе, собачье отродье, позволил яблоки мои воровать?

— Валялось, барин, яблочко на земле, гнить начинало. Разве что безрукий не поды-

мет, когда дар божий зря пропадает, — отвечал ему слуга.

— Видно, слишком длинные у тебя руки! — закричал барон. Размахнулся саблей своей и пальцы ему с обеих рук отрубил.

Был у немца в поместье малыш-невеличка, подпасок. Пас он как-то гусей и маленько вздремнул, а гуси — сразу в овес и давай зерна клевать.

Прослышал об этом барон, зовет к себе работника, чей сын в подпасах ходил, и говорит ему:

— Вот тебе дубина. Вздуй ты ею щенка своего, чтоб навек запомнил, как надо гусей пасти.

— Ладно, барин, — отец отвечает. Взял он из баронских рук дубину тяжелую.

Назавтра спрашивает барон у отца:

— Сделал ли ты все по моему веленью?

— Потрепал я его, барин, только руками. И так он урок надолго запомнит. Дубинкой ребенка бить сердце не позволяет.

— Если сердце мешает тебе приказы мои исполнять, мы его собакам выбросим! — закричал барон и вырвал из груди работника отцовское сердце.

Вышло пятеро калек милостыню по белу свету просить: слепой, глухой, немой, беспальный и отец с сердцем вырванным. Долго шли, подошли к дремучей чаще. А там на опушке, на обомшелом камне, сидит старец и ключ сторожит. Просят у него путники воды напиться — долго уж они в пути, от жажды измучились.

А старец им говорит:

— Не простой это ключ, а чудесный. Кто

из него одну каплю выпьет — от самого тяжкого недуга излечится. Две капли выпьет — великие тайны познает. От трех капель — достигнет несметного богатства. От четырех капель — ждет его царский венец.

— Ты бы, старче, мне одну каплю дал, — просит его слепец. — Темны глаза мои; хотелось бы солнце на небе увидеть, деткам своим в лицо поглядеть.

Дал старец слепцу одну каплю. Как только слепой потер ею глаза, сразу прозрел.

Увидев такое чудо, глухой взмолился:

— Может, и мне бы каплю малую. Глух я; хотел бы песни птичьи послушать, усладиться людской речью.

Дал старец и глухому каплю. Как только потер он уши чудесной водой, сразу шумы лесные услышал.

А беспалый тоже просит:

— Не откажи, старче, дай и мне капельку. Может, вернет он мне пальцы, опять стану себе и деткам на хлеб зарабатывать.

Не отказал старец и беспалому. Смочил беспалый чудесной водой обрубки свои, смотрит — а у него уж и пальцы отрасли.

Теперь отец с сердцем истерзанным старца упрашивает:

— Смилуйся, старче, надо мною, несчастным. Дай ты мне каплю — может, она мне сердце возвратит. Хотел бы я с сердцем в груди жить, с людьми вместе любовь чувствовать, горевать, жалеть, радость делить.

— Дам и тебе капельку, — молвил старец.

И только смочил человек с растерзанным сердцем грудь свою, забилося в ней сразу сердце, посветдело угрюмое, хмурое лицо его.

А тот, что без языка был, руками старцу показывает: дай, мол, и мне каплю малую. Смочила капля чудесной воды горло немому — отрос у него сразу язык, речь к нему вернулась.

Уж не знают калеки исцеленные, как им старца отблагодарить. Идут они дальше, веселые, довольные. Прошли версту-другую, слепец прежний и говорит своим друзьям:

— Братья мои! Знаете, я глубь земную как на ладони вижу, с самоцветами драгоценными, несчетными, алмазами, золотом, скрытыми кладами. И дно морское вижу...

Тогда отозвался радостно прежний глухой:

— А я понимаю язык деревьев, цветов полевых, птиц лесных, слышу, о чем рыбы в озерах и реках речь ведут, слышу, что ветер рассказывает.

— И я силу воды чудесной почувствовал! — кричит отец, у которого барон сердце вырвал. — Поглядите только!

И увидели друзья, как к их товарищу, который прежде был хмурым и неприветным, лоси, лисицы, медведи из чащи лесной выбежали, ласково руки ему лижут, птицы на плечи садятся, а змей он без опаски в руках вертит, за пазухой носит.

И заговорил тогда тот, у кого язык был вырезан. Как только слово молвил, затихли лесные чащи, остановились облака небесные и, выплыв из рек глубоких, рыбы его слушают.

К вечеру вышли путники к другому краю леса. Хотят заночевать, только кругом никакого жилья не видно.

— Хорошо бы из этих деревьев домик выстроить и всем нам вместе пожить, — сказал

тот, у кого были пальцы с обеих рук обрублены.

Только он это сказал и руками своими прикоснулся к сосновому стволу, встал перед ними прекрасный, высокий дом — живи и радуйся. И к чему он только пальцами ни притронется — к дереву ли, к железу, сейчас же появляются по его желанию вещи и утварь разная.

Живут они впятером в том доме, и идет про них слава по всей стране, про пятерых мудрецов, что все видят, все слышат, все разумеют, все сотворить могут. Идут к ним все за помощью в горе и в болезни.

Разнесли люди по широкому свету их вещи слова про небо, про воды, зверей, птиц, про дела человеческие. Озарилась та страна наукой, согласием и любовью.

Услышал злой барон рассказы про пятерых своих прежних работников и в дорогу к ним собрался. А там прикинулся ласковым, говорит с ними, расспрашивает, как они до такой славы дошли, как такую силу чудесную приобрели.

А те, ничего не тая, рассказали все как было. Заторопился барон домой, созвал своих четырех сыновей. Ни слова им не сказав, подскочил он к одному — глаза выколол, другого так головой об землю стукнул, что тот и оглох. А у третьего сердце из груди вырвал. Когда вырезал барон четвертому сыну язык, вбегает жена его, кричит не своим голосом:

— Безумный ты человек, что делаешь?

— Уймись ты, — барон ее утихомирил. — Получат скоро дети твои такие глаза, что будут сквозь землю видеть, такие уши, что все, что надо, услышат.

Обрубив себе самому пальцы, вышел немец

в путь-дорогу с четырьмя сыновьями. Идут ключ чудесный искать. Долго шли; подходят к чаще, видят — сидит на камне седой старец, ключ сторожит.

Поздоровались они со старцем и просят напиться: дорога, мол, длинная, жажда их замучила.

Отвечает им седовласый:

— Не простой это источник, а чудесный. Одной его каплей от злейшего недуга исцелишься, от двух капель тебе все тайны ведомы станут, от трех — богачом будешь, от четырех — на царский престол вступишь.

Просит слепой баронский сын ему глаза чудесной водой смочить. Послушал его старец и, смочив чудесной водицей, дал такие зоркие глаза, что увидел он насквозь землю, глубь морскую и небо высокое.

За ним следом все: глухой, немой, бессердечный и сам барон, вновь обрели слух, речь, сердце и пальцы.

Почуяли барон и дети его в себе силу чудесную, сразу еще большего — царями стать — захотели.

И говорят они старцу:

— Старик, дай нам из твоего ключа еще по три капельки.

Не дал им старец.

Как волки несытые, накинулись они на старца, оттолкнули его от ключа, убили, под камнем обомшелым закопали. Тогда безо всякой помехи на животах у ключа ползают, морды свои в воду ключевую окунают и уж не каплями малыми, а глотками целыми пьют. Мало им престола царского — богами стать желают, владеть всем миром.

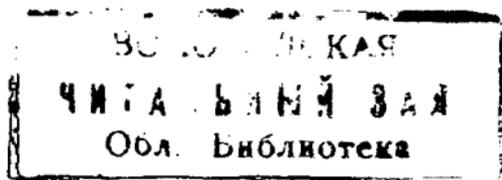
Вылебали скоро барон и дети его всю воду ключевую. Небольшой был ключ, вода из скалы горной по капле пробивалась. Стали они тину со дна глотать.

Не знал немец и отродье его, что в тине этой вся грязь мирская таится. Вместо волшебной силы, вместо венцов царских и божеских достались им другие дары: у слепца прежнего собачьи глаза стали, тот, кто прежде глухим был, жадным ухом только звон чужого голоса слышит, у негого язык лживой гадины вырос, у бессердечного — сердце свиное, у беспалого — когти волчьи.

СОДЕРЖАНИЕ

Серебряная пуля	3
Как крепостной мужик Степас барина Фрица лечил	11
Как осел лопоухий судьей стал	17
О еже и его молодой жене	22
Жемайтис и немец	29
Немцы в аду	37
Чудесный источник	40

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор *И. Резникова*.
Подписано к печати 19/Х 1942 г. 1⁵/₈ печ. л. (1,65 уч.-изд. л.).
49 536 зн. в печ. л. Тираж 25 000 экз. Л1103819. Заказ № 2122.
Цена 85 коп.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроза РСФСР.
Москва, Сушековский вал, 49.

Цена 85 коп.